

УДК 930.2:316.7(571.1)(045)

*М. Ф. Ершов***СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье рассмотрены особенности социокультурных контактов, преимущественно на севере Западной Сибири. В них участвовали иностранные путешественники и местное русское и аборигенное население. Путешествие в традиционной культуре и в последующие времена считалось выходом из обыденности. Мемуарная литература, созданная образованными путешественниками, свидетельствует о существовании у них устойчивых культурных стереотипов. Крайнее и в особенности аборигенное население воспринималось как пассивный объект, находящийся вне цивилизации. Негативное воздействие со стороны «культурных народов» приводит его на край гибели. Единственный путь спасения — ассимиляция и принятие европейских ценностей. С этой позицией были солидарны многие путешественники: М. Кастрен, А. Алквист, О. Финш, У. Сирелиус, С. Соммье, К. Карьялайнен, С. Патурссон. В их мемуарах искажены не столько факты, сколько картина жизни аборигенов. Субъективные умолчания и не вполне корректные оценки свидетельствуют, что архаика или её компоненты сохранялись не только в мировоззрении аборигенов, но и у ряда высокообразованных лиц.

Ключевые слова: аборигены, мемуары, иностранные путешественники, территория, Тобольский Север, социокультурные контакты.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-124-130

Изучение феномена путешествий всегда значимо. Оно особенно актуально для отдалённых территорий. На сегодняшний день без понимания особенностей восприятия конкретных пространств и проживающего там местного населения невозможно ни формирование региональной идентичности, ни развитие туризма. Россия, многонациональная страна, живущая в глобализирующемся мире, не может игнорировать значимость межэтнических и межрегиональных связей. Обращение к её историческому прошлому способно содействовать росту гуманитарного знания, благополучию и комфорту. Цель настоящей публикации — анализ историко-психологической специфики социокультурных контактов на Тобольском Севере в середине XIX — начале XX в. между местными жителями и иностранными путешественниками.

Соответственно, к числу исследовательских задач относятся обнаружение тех значимых аспектов внутреннего мира образованных европейцев, которые обуславливали их интерес к путешествиям. Кроме того, важна реконструкция мировоззренческих установок, определяющих поведение местных жителей при контактах с чужаками. В качестве исторических источников нами использованы мемуары ряда путешественников: М. Кастрена, А. Алквиста, О. Финша, У. Сирелиуса, С. Соммье, К. Карьялайнена, С. Патурссона. При этом невысокий образовательный уровень большинства сибирских жителей воспрепятствовал созданию адекватного отображения ими восприятия иностранцев в мемуарной отечественной литературе. Её отсутствие привело к двойному использованию воспоминаний иностранных путешественников: для реконструкции их поведения и, одновременно, для реконструкции поведения местного населения.

Авторы мемуаров находились одновременно в нескольких культурах. Они принадлежали к «приличной публике», обладающей образовательным цензом. Всех их отличала способность грамотно и внятно описать местные реалии. Проблема заключалась, однако, в познавательных приоритетах. Дефицит времени в дороге настоятельно требовал письменной фиксации наиболее значимых моментов. Одновременно на оценки влияли прежние стереотипы. Множество фактов оказалось вытеснено умолчаниями, табу, использованием клишированных маркеров, отвлечёнными рассуждениями, что воздействовало на тексты путешественников. Внутренняя противоречивость и неоднородность анализируемой исторической информации способствовали использованию междисциплинарного подхода, методологических приёмов интеллектуальной истории и социально-психологического рассмотрения этнических стереотипов, господствующих в общественном сознании того времени.

Издавна перемещения были тождественны расставанию с обыденностью, а для человека традиционной культуры и выходу в иные миры. Предполагалась избранность путешественников, их необычные свойства, прикосновенность к тайнам, неведомым для профанов. Данное отношение, с оп-

ределёнными изменениями, сохранилось и в последующие времена. Так, в культуре барокко естественность понималась как синоним дикости, невежества, самодурства, необразованности и даже как звериность. Просвещение, с его идеологией прогресса, во многом заимствовало и дополнило прежние установки. Но ценности рационализма в нём заняли место религиозных верований. Открытия на периферии воспринимались в то время как расширение цивилизации, подвиги, доступные только избранным подвижникам науки и мирового разума. Романтизм, придя на смену Просвещению, во многом усилил эти тенденции. Он стимулировал внимание человека к преданиям, фольклору, окраинным землям, к индивидуальности и экстравагантности [14, с. 130, 214; 295].

Сплав этих и близких к ним традиций во многом обуславливал мотивацию поступков образованного человека в дороге. И исследователи Тобольского Севера обладали вышеописанными качествами, что, иногда, порождало непонимание местных жителей. Потенциальные конфликты здесь тлели и на бытовой, и на религиозной почве. Этнограф Т. В. Волдина отмечает, что исполнителю фольклора «приходится порой преодолевать в себе многие традиционные установки, требующие рассказывать или петь только в определённых условиях и не прерываться, а также запреты на передачу священных или родовых произведений представителям чужого рода и т. д.» [12, с. 165].

Интерес учёных к коренным народам Сибири был во многом порождён языковой близостью между обскими уграми, финнами и венграми. Отсутствие же полноценной государственности у европейских финно-угорских народов (Финляндия тогда находилась в составе Российской империи, Венгрия входила в империю Габсбургов) также стимулировало поиски идентичности и научное внимание к родственным народам. Это обстоятельство отобразилось в записях М. А. Кастрена в 1843 г.: «По приезде в Обдорск я был весел, счастлив мыслью, что нахожусь, наконец, на священной почве матери Азии, дышу воздухом, вздувшим некогда первую жизненную искру в груди наших праотцов и доселе ещё поддерживающим существование многих жалких потомков их» [3. Т. 1, с. 210]. Кастрен эмоционально отобразил свои впечатления: «Это был мой Лондон, Париж, Берлин, а между тем в нём не было ни одной книги, кроме Сибирского уложения, ни одной газеты, кроме дамских бесед, ни одного музея древностей или естественных произведений, хотя всё окружающее меня заняло бы почётное место в любом из них» [3. Т. 1, с. 211].

Обозреваемые путешественником территории как бы мысленно исключались из обыденности. Населяющие их народы не могли быть оценены только через бытовые описания. Для исследователей приоритетным было их соотнесение с современной цивилизацией. Так, например, П. П. Свиньин категорично заявлял, что лопари (саамы) — «последняя ступень человечества» [8, с. XV]. В начале второй экспедиции в Сибирь Кастрен в 1845 г. написал следующие строки: «Путешествие моё из отечества на тундры составляет некоторым образом совершенную противоположность вознесению пророка Ильи на небо, потому что как, с одной стороны, отечество должно считаться нашим земным небом, так, с другой, всякий, кроме разве какого-нибудь самоеда, согласится, что нет на земле ничего ужаснее сибирской тундры» [3. Т. 2, с. 9]. Неведомый мир был вне привычной повседневности. На территории этого мира она представлялась уже своеобразным изъяном, некой досадной субстанцией. Последствием такого взгляда оказалось смещение множества наблюдений на периферию внимания.

И местное население не воспринимало чужаков только в обыденном свете. М. А. Кастрен отмечал, что русские сибиряки узнавали «во мне соглядатая, чрезвычайно опасного для их торговых дел» [3. Т. 2, с. 212]. В 1858 г. в Верхне-Пельымске вогульское население подавало жалобы «чиновнику» А. Алквисту на злоупотребления чиновников, русских, священника [1, с. 11], С. Соммье, проводя в 1880 г. антропометрические исследования, не скрывал своего начальственного отношения к аборигенам: «В целом ни остяки, ни самоеды не сопротивляются измерениям, а те редкие случаи, когда это случалось, я разрешал с помощью маленьких подарков или намёков о санкционировании моих действий свыше и их обязанности подчиниться» [10, с. 163]. Финский этнограф У. Т. Сирелиус при фотографировании аборигенов воспользовался помощью заседателя Нарымского округа А. Плотникова, который в качестве решающего аргумента сослался на мифический приказ царя [9, с. 36].

Описываемые путешественником его личные переживания, в т. ч. без привязки к реальности, содержали в себе избыточную экспрессивную нагрузку, вплоть до включения в текст лирических отступлений. Итальянец С. Соммье, при посещении священного для аборигенов леса у с. Мужы, негативно оценил пренебрежение к святыне сопровождающих его русских казаков: «Что касается меня, я находил куда больше поэзии в культуре богов под сенью магического леса посреди дикой природы, чем поклонны моих попугачиков перед изображениями святых или какой-нибудь из многочисленных изображений

чудотворных Богородиц в углу задымлённой комнатёнки» [10, с. 249]. Известно, что русское старожильческое население Сибири принимало аборигенов за знахарей и колдунов, но даже обращалось к ним за помощью. А. Алквист зафиксировал страх русских перед колдовством зырян [1, с. 106].

Сами крещёные зыряне нередко связывали иностранцев с нечистой силой. Кастрен в 1843 г. неоднократно фиксировал негативное отношение местных жителей к себе. В Канинской тундре, писал он, «крестьяне дичились меня как немца и нехрестя, но, когда они увидели радушие, с каким принимали меня священник и его жена, когда узнали, что мы обедаем за одним столом (против чего вырывались даже кой-какие замечания), когда увидели, что священник в день рождества окропил меня святой водой, тогда и они стали считать меня человеком» [3. Т. 1, с. 166]. В Усть-Цильме «прошёл слух, что я по ночам отравляю колодцы, порчу поля и обмазываю избы составом, который от лучей летнего солнца воспламеняется» [3. Т. 1, с. 188]. Не лучше обстояли дела и в Ижемске: большинство местного населения «смотрело на меня как на колдуна и богоотступника» [3. Т. 1, с. 190].

Подозрительное отношение к М. А. Кастрену было в губернской Перми в мае 1845 г. Произшедший в городе несколько лет назад опустошительный пожар дополнительно провоцировал суеверный страх перед чужаками: «Когда я ходил по городским улицам, все останавливались и с удивлением смотрели на мою иностранную фигуру <...>». Толки о холере и поджигателях озвучивались непосредственно при Кастрене [3. Т. 2, с. 25–26]. Инфернальные мотивы, в т. ч. образы пожара, присутствуют у путешественника при описании Сургута в августе 1845 г.: «От прежнего могущественного города осталось только несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных посреди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стёкла в окнах, а цельная оконница уже почти исключение. В последние десятилетия нищета Сургута дошла до того, что не мог выплачивать даже и податей» [3. Т. 2, с. 69].

Положение мало изменилось и к рубежу веков. Так, уроженец Фарерских островов С. О. Патурссон в Сибири неоднократно сталкивался с мнением, что иностранцы — безбожники, неверующие, соблазнённые чёртом. «В Сибири на меня вообще смотрели как на настоящего язычника», — писал он [7, с. 242–243]. Упрёки в отсутствии подлинной веры распространялись и на аборигенное население. Весьма примечателен разговор Кастрена с зырянами-ижемцами. Один из них причислил финского исследователя к лицам татарской веры. По мнению собеседника-зырянина, бог «отдал вместе со стадами и самих самоедов к нам в ученье. Теперь они наши слуги; когда же кончат ученье, сделаются настоящими православными христианами, Господь, наверное, възьщёт и их своею благодатью, потому что възьскивает всякого, кто уповает на Него» [3. Т. 1, с. 202–203].

Здесь налицо откровенное заимствование собеседником М. А. Кастрена и библейских мотивов, и ложно понимаемого европейского прогресса. Но и сам Кастрен не слишком благоволил к Сибири. «Тот, кто привык видеть, как в России поток жизни несётся чрез все преграды, чувствует какую-то неловкость в сибирской тишине», — признавался исследователь. — «Эта тишина, питаемая внутренней, мирной безмятежной сущностью души; нет это порождение холодности, равнодушия и ожесточения. Да и может ли быть что-нибудь, кроме ожесточения, в стране, которая большей частью населена преступниками и их потомками» [3. Т. 2, с. 28]. Побывавший в 1891 г. на севере Западной Сибири шведский археолог Ф. Р. Мартин писал, что по берегам реки Иртыш «не часто можно увидеть остяцкие юрты и ещё реже — русские избы. Кажется, что всякая культура странным образом изгнана из окрестностей реки» [6, с. 10].

Исключение из обыденности чужаков или непривычных пространств далеко не всегда обнаруживалось через агрессию. В меньшей мере оно проявлялось и через взаимно безопасные внимание и гостеприимство. Алквист утверждал, что сибирский русский «в целом гораздо чище, зажиточнее и гостеприимнее, чем его собрат в Европейской России». Он видел причину испорченности в рабстве [1, с. 47]. Финш фиксировал положительные качества у аборигенного населения Сибири: гостеприимство, чадолобие, добродушие, отсутствие нищих, честность. Автор книги «Путешествие в Западную Сибирь» заявлял, что при сравнении с цивилизацией аборигены могли бы сказать: «Мы дикие, лучшие люди» [11, с. 452–453]. С. Соммье в своих оценках отнюдь не льстил местному населению. Его многое не устраивало: санитарные нормы, тяготение к спиртному. Однако добрые слова о гостеприимстве у него нашлись. Он же, размышляя о самоедах и остяках, замечал: «Думая об уровне культуры этого народа, остаётся только удивляться, что в них столько хороших качеств, особенно стоит указать на их честность». [10, с. 462]. С. Патурссон, прожив несколько лет среди аборигенов и русских, повсеместно пользовался местным гостеприимством в Сибири.

Однако подспудно негатив к окраинной территории всё же существовал и переносился на местных жителей, чьи сомнительные «грехи» объяснялись инфантильностью и социальной незрелостью. Кастрен в письме на родину благодарил адресата за то, что он «вспомнил о грешнике в стране грешников» [3. Т. 2, с. 108]. Алквист допускал, что аборигены отличаются той детской сменой настроения, «которая для остяков характерна так же, как и для наших лапландцев» [1, с. 86–88]. Он же, изображая Пелым, обратил внимание на высказывания пьющей бабушки-повитухи: «По её мнению, народ был теперь беднее чем раньше, поля тоже не родили столь много, как в прежние времена, и даже дни, считала она, стали короче». Эта старушка, хорошо относясь к путешественнику, дала благословение на дорогу, но так и не поверила в успех его поездки.

В 1902 г. финский исследователь А. Каннисто описывал селения вогулов на реке Вагиле: «Дворы выглядят плохо, некоторые совсем бедные. Всё — как в преддверии гибели; это носится в воздухе, а именно в форме безработности, причиной которой является сомнение, вызванное предчувствием скорой гибели» [5, с. 151]. В это же время К. Ф. Карьялайнен объяснял негативные проявления у остяков в бассейне р. Демьянка общей нравственной слабостью: «Насаждение культуры на неподготовленной, необработанной почве, и общее ослабление, и одряхление народа, какое является последствием этой быстрой и крутой перемены в образе и условиях его жизни». Он считал, что «остяцкие песни — их лебединые песни, они скоро умолкнут». [2, с. 65, 67]. Алквист, напротив, критиковал положение, при котором есть лишь «недостаточное давление сверху, ибо самый обычный русский чувствует себя как господин, ослабило и изнежило его» [1, с. 105].

Ссылки интеллектуалов на мнимые детскость, старость, дряхлость и поиски симптомов гибели — всё это объяснения действительно бедственного положения аборигенов и, что немаловажно, явления рудиментов традиционной культуры, но уже у приезжих исследователей. При их наличии периферийные этносы (их части) воспринимались как близкие к иному, запредельному миру. И путешественники, и местное население были едины, оценивая собственное место проживания как центр мироздания. Данная установка, дешифрованная М. Элиаде, хорошо конкретизируется примером из воспоминаний С. Патурссона. Он зафиксировал, что большинство сибиряков было в уверенности: всё «что не является Сибирью, принадлежит европейской России» [7, с. 240]. Отрицание отдалённых территорий как пустынных и ненастоящих провоцировало иллюзии в восприятии путешествий. Характерна рефлексия С. Соммье, вернувшегося из тундры и тайги в каюту парохода: «Моя жизнь в краю остяков и самоедов казалась мне сейчас далёким сном» [10, с. 472].

Мыслимая абсолютизация негатива на периферийной территории означала в конечном итоге мыслимое же дистанцирование от конечной цели собственного путешествия. Кастрен в одном из писем меланхолично отметил: «Я уверен, что мир может как нельзя лучше обойтись и без моих грамматик» [3. Т. 2, с. 109]. Его раздумья через десятилетия были повторены Финшем: «Куда только ни устремляется пытливый немецкий ум, одушевлённый лишь одним стремлением положить ещё один камень для сооружения великого космополитического храма, называемого наукой» [11, с. 370]. Соммье неоднократно подчёркивал и приключенческие моменты, и личное восхищение от научной поездки [10, с. 478, 605]. Сирелиус также не чуждался признаний в том, что его этнографическая экспедиция — приключение [9, с. 155]. К. Карьялайнен почти извинялся за свою поездку: «Для опытного исследователя нет нужды искать материал так далеко, а неопытному нужна широкая область, и именно такая, которая способствует всестороннему развитию» [4, с. 8].

Путешественники фиксировали внешние воздействия, как правило негативные, на жизнь аборигенов. Последние представляли в мемуарах как пассивные объекты, начисто лишённые волевых усилий. Данную позицию отличали предвзятость и игнорирование исторического контекста [13, с. 155]. Но и сами учёные подчас приводили сведения, которые противоречили господствующим стереотипам. О. Финш, комментируя отказ от продажи «домашнего идола», заметил, что «у этих нецивилизованных детей природы не всё продажно, как предполагают люди цивилизованные, и что они при этом, весьма снисходительно относятся к тому, кто делает им такие неделикатные предложения» [11, с. 360].

У. Т. Сирелиус обратил внимание на существование исторических сведений у аборигенов: «Остяки делят свою историю на две части: языческое время, когда царя не было, и христианское время, когда остяки стали подданными царя. О Ермаке часто вспоминают и упоминают его». Из разговоров с остяками у него создалось впечатление, «что христианство — это религия, которую им навязал более сильный. С большим почтением остяки говорят о времени до царя, когда богатыри жили со своими подданными. Народ тогда был многочислен, велик и силен, и ворожейи были сильнее» [9, с. 107].

Нет сомнений, что исторические сведения могли проникнуть к аборигенам из старожильской русской среды. Например, те самые, что слышал в Обдорске Кастрен от отставного русского казака, питавшего благоговение к памяти Меншикова, жившего в Березове в ссылке. «Я должен сказать, — замечает Кастрен, — что это чувство разделяют с ним и все березовцы. Старик не мог говорить без одушевления об опальном вельможе, каждое слово его он помнил, как святыню». Меншиков, по его словам, видел в ссылке «не казнь, но небесное благодеяние, отверзавшее ему путь ко вратам искупления» [3. Т. 1, с. 215–216].

Большинство путешественников, рассуждая о возможных перспективах для аборигенов, не смогли выйти из созданного ими же логического тупика. С одной стороны, они не верили в возможность самостоятельного вхождения для коренных этносов в современную цивилизацию, поскольку (по мнению Сирелиуса) «о создании чисто остяцкой культуры думать не приходится» [9, с. 34]. Но с другой — они не видели и положительных моментов в межэтнических контактах. Например, Патурссон утверждал, что более высокая культура, «которая приходит с проповедованием христианства и в целом относится к русским, оказывает печальное, и даже вредное влияние на чистоту здешних обычаев» [7, с. 114]. Среди мемуарной литературы книга «Путешествие в Западную Сибирь» занимает особое положение. Её автор, зоолог, нередко критиковал привычные стереотипы. В частности, Финш мало доверял утверждениям о повсеместном спаивании инородцев Сибири. Доводы Финша опираются на здравый смысл: «Туземцы напиваются лишь случайно». Сибирские аборигены, доказывает он, слишком бедны, для того чтобы постоянно пить: «Пьяниц по профессии, какие встречаются в Голландии и Англии, не говоря уже об Ирландии, я никогда между Остяками и Самоедами не видел» Но Финш был весьма пессимистичен относительно их будущего: «Остяки и Самоеды должны будут отступить перед цивилизацией, подчиниться ей или погибнуть» [11, с. 451–452].

Изначально в описаниях предполагалось доминирование общественной значимости и акцентирование внимания на точных объективных материалах. Занимательность повествования, частичное привнесение бытовых моментов в тексты путешественников служили своеобразными дополнениями к научной объективности. Большинство дорожных описаний соответствовало прежним культурным установкам. Согласно им, степень цивилизованности фактически была тождественна культурной близости к Европе. Соответственно, европейски образованный индивид, попадая на дальнюю периферию, уже из-за наличия багажа знаний и самого факта познавательной поездки, обладал, как он полагал, преимуществами прогресса. В итоге местному населению оставалось пассивное пребывание в роли инфантильных неиспорченных знаниями дикарей, живущих либо на краю гибели, либо в ожидании нашествия цивилизаторов.

Эти стереотипы были отображены в подборе фактов и в оценочных суждениях европейских путешественников, благодаря чему генерировались своеобразные информационные фильтры, препятствующие сохранению материалов о якобы несущественных для наблюдений деталях. Субъективные умолчания и оценки не привели к непосредственному искажению фактических сведений о коренных народах. Изменялись не столько отдельные сведения, сколько картина жизни аборигенов в целом. Европоцентризм и тяготение к неизведанным территориям и содействовали социокультурным контактам и научным исследованиям, и, одновременно, ограничивали их познавательные возможности. Случаи не вполне корректных выводов исследователей оказались парадоксальными свидетельствами сохранения компонентов архаики не только в мировоззрении аборигенов, но и у высокообразованных лиц. Иногда наше далёкое прошлое не просто адаптируется к новизне, но и воздействует на процесс научного поиска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алквист А.* Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 179 с.
2. *Карьялайнен К. Ф.* У остяков. Путевые записки // Сибирские вопросы. 1911. №32/33. С. 52-79.
3. *Кастрен М. А.* Сочинения в двух томах. Т. 1: Лапландия, Карелия, Россия. 256 с. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
4. *Крон К. К. Ф.* Карьялайнен // К. Ф. Карьялайнен Религия югорских народов. Т. 1. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. С. 6–14.
5. *Лшмола М.* Экспедиции Артура Каннисто к вогулам (манси) в 1901–1906 годах // Вестник угроведения. 2015. №4. С. 148–161.

6. *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.
7. *Патурссон С.* От Фарер до Сибири. М.: Паульсен, 2019. 304 с.
8. *Свиньин П. П.* Картины России и быт разноплеменных её народов из путешествий П. П. Свиньины. Часть 1. СПб.: В типографии Н. Греча, 1839. X, XVI, 386 с.
9. *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 344 с.
10. *Соммье С.* Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 640 с.
11. *Фини О.* Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1882. 573 с.
12. *Волдина Т. В.* Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 258 с.
13. *Ершов М. Ф.* Социокультурные изменения у обских угров на рубеже XIX–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнологии. 2018. № 3 (42). С. 151–157.
14. *Семенов А. Н., Семенова В. В.* Типы культурного (художественного) сознания. СПб.: Издательская программа АПИ, 2010. 484 с.

Поступила в редакцию 23.04.2020

Ершов Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнологии
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а
E-mail: mfershov@mail.ru

M.F. Ershov

**SOCIO-CULTURAL CONTACTS OF FOREIGN TRAVELERS IN THE TOBOLSK NORTH
IN THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-124-130

The publication considers the features of socio-cultural contacts, mainly in the north of Western Siberia. The participants of them were foreign travelers and the local Russian and native population. Travelling in traditional culture and in later times was considered a way out of the ordinary. Memoirs created by educated travelers indicate the existence of sustainable cultural stereotypes. Peoples of the outskirts and especially the indigenous population were perceived as a passive object outside of civilization. The negative impact of the “cultural peoples” leads them to the edge of death. The only way to salvation is assimilation and acceptance of European values. Many travelers such as M. Castrén, A. Ahlqvist, O. Finsch, S. Sommier, U. Sirelius, K. Karjalainen, S. Patursson agreed with this position. Their memoirs distort not so much the facts as the picture of the life of aboriginal people. Subjective silence and not quite correct estimates indicate that the archaic or its components were preserved not only in the worldview of the aborigines, but also among a number of highly educated individuals.

Keywords: aborigines, memoirs, foreign travelers, territory, Tobolsk North, socio-cultural contacts.

REFERENCES

1. *Ahlqvist A.* Sredi hantov i mansi. Putevye zapisi i etnograficheskie zametki [Among the Khanty and Mansi. Travel notes and ethnographic notes]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1999, 179 p. (In Russian).
2. *Karjalainen K. F.* U ostyakov. Putevye zapiski [At the Ostyaks. Travel notes]. Sibirskie voprosy [Siberian issues], 1911, no. 32/33, pp. 52–79. (In Russian).
3. *Kastrén M. A.* Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. Laplandiya, Kareliya, Rossiya. 256 s. T. 2. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). 352 s. [Works in two volumes. Vol. 1. Lapland, Karelia, Russia. 256 p. Vol. 2. Travel to Siberia (1845–1849). 352 p.] Tyumen, Yu. Mandrika Publ., 1999. (In Russian).
4. *Kron K. K. F.* Karjalainen // K. F. Karjalainen Religiya yugorskih narodov [Religion of the Ugra peoples]. Vol.1. Tomsk, Tomsk State University Press, 1994, pp. 6–14. (In Russian).
5. *Liimola M.* Ekspedicii Artura Kannisto k vogulam (mansi) v 1901–1906 godah [Expeditions of Arthur Kannisto to the Voguls (Mansi) in 1901–1906]. Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 4, pp. 148–161. (In Russian).
6. *Martin F. R.* Sibirika. Nekotorye svedeniya o pervobytnoj istorii i kul'ture sibirskih narodov [Siberia. Some information about the primitive history and culture of the Siberian peoples]. Ekaterinburg-Surgut, “Uralskij rabochij” Publ., 2004, 144 p. (In Russian).

7. *Patursson S.* Ot Farer do Sibiri [From Faroe to Siberia]. Moscow, Paulsen Publ., 2019, 304 p. (In Russian).
8. *Svin'in P. P.* Kartiny Rossii i byt raznoplemennyh eyo narodov iz puteshestvij P. P. Svin'ina. Chast' Pervaya [Pictures of Russia and the life of its diverse tribes from the travels of P. P. Svinin. Part one]. St. Petersburg, "V typographii of N. Grecha" Publ., 1839, X, XVI, 386 p. (In Russian).
9. *Sirelius U. T.* Puteshestvie k hantam [Journey to the Khanty]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2001, 344 p. (In Russian).
10. *Sommier S.* Leto v Sibiri sredi ostyakov, samoedov, zyryan, tatar, kirgizov i Bashkir [Summer in Siberia among the Ostyaks, Samoyeds, Zyrians, Tatars, Kyrgyz and Bashkirs]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2012, 640 p. (In Russian).
11. *Finsch O.* Puteshestvie v Zapadnuyu Sibir' d-ra O. Finsha i A. Brema [Travel to Western Siberia by Dr. O. Finsch and A. Brem]. Moscow, "Typographiy M.N. Lavrova" Publ., 1882, 573 p. (In Russian).
12. *Voldina T. V.* Hantyjskij fol'klor: istoriya izucheniya [Khanty folklore: a history of study]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2002, 258 p. (In Russian).
13. *Ershov M. F.* Sociokul'turnye izmeneniya u obskih ugrov na rubezhe XIX–XX vv. [Sociocultural changes in the Ob Ugrians at the turn of the 19–20 centuries]. Vestnik arheologii, antropologii i etnologii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnology], 2018, no. 3 (42), pp. 151–157. (In Russian).
14. *Semenov A. N., Semenova V. V.* Tipy kulturnogo (hudozhestvennogo) soznaniya [Types of cultural (artistic) consciousness]. St. Petersburg, IPA Publ., Program, 2010, 484 p. (In Russian).

Received 23.04.2020

Ershov M.F., Candidate of History, Associate Professor,
Leading Researcher at Research Department of History and Ethnology
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
Mira st., 14a, Khanty-Mansiysk, Russia, 628011
E-mail: mfershov@mail.ru